

Вл. Нейштадт

ПУШКИН В ОЦЕНКЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ КРИТИКИ¹

I

Первые печатные высказывания о нашем поэте появились за рубежом в 1823 г. вместе с первыми переводами. К. фон дер-Борг в своей антологии на немецком языке² и Дюпре де-Сен-Мор в своей антологии на французском языке³ поместили по небольшой статейке о Пушкине. Характер таких статей в антологиях общеизвестен: несколько биографических данных и несколько слов о творчестве данного поэта вообще. Но Пушкин попал в антологию, будучи автором всего лишь двух поэм и нескольких десятков лирических стихотворений. Следовательно, о нем нельзя еще было говорить вообще, а нужно было либо ничего не говорить, либо давать оценку его поэтических первенцев. Такую оценку мы и находим у обоих авторов. Фон дер-Борг: «Пушкин написал много лирических стихотворений, посланий и пр. Но наиболее значительными его произведениями являются 2 поэмы — романтическая поэма «Руслан и Людмила» в шести песнях, вышедшая в Петербурге в 1820 году, и «Кавказский пленник», Петербург 1822 г. Обе поэмы, особенно вторая, отличаются живостью изображения, восхитительными описаниями и звучным стихом. Эти поэмы выдвинули Пушкина, несмотря на его молодость, в число лучших поэтов России».

¹ Глава из работы «Пушкин в мировой литературе», прочитанной на заседании Пушкинской комиссии Академии Наук СССР 28 декабря 1936 г.

² Poetische Erzeugnisse der Russen. Ein Versuch von Karl Friedrich von der Borg. Zweiter Band. Riga u. Dorpat, 1823. — Здесь на стр. 304 эпиграмма Пушкина «История стихотворца», на стр. 364—374 большой отрывок из первой песни «Руслана и Людмилы». На стр. 403—404 статейка о Пушкине.

³ Anthologie russe, suivie de poésies originales. Par P. J. Emile Dupré de Saint-Maure. Paris 1823. — Здесь на стр. 80—81 вступительная заметка о Пушкине, а на стр. 82—89 большой отрывок из первой песни «Руслана и Людмилы». О Пушкине составитель пишет еще в общей вступительной статье на стр. XXII. (Нужно указать еще, что антология Сен-Мора вышла одновременно в двух изданиях: одно издание в малую четверку с шестью литографиями, а другое: — в шестнадцатую, без литографий. Я цитирую по большему изданию).

Дюпре де-Сен-Мор: «...Талант этого молодого поэта проявился уже в нескольких одах и посланиях, опубликованных в журналах. Но только его поэма в 6 песнях «Руслан и Людмила» обратила на него особое внимание всех любителей изящной литературы в России. Это произведение отличается поэтическим воображением столь же блестящим, сколь богатым: оно полно острых положений и счастливым сочетанием пылкости и трезвости, юмора и чувства, но главным образом поэтического колорита. Чистота ее стиля поистине удивительна у такой молодой музыки».

Несомненно, обе эти довольно сходные оценки не совсем самостоятельны. В них слышен отзвук параграфа 60 из «Опыта краткой истории русской литературы» Греча¹. Гораздо более непосредственным представляется мне то впечатление от «Руслана и Людмилы», которое Сен-Мор высказывает во вступительной статье к своей антологии, где он тоже уделяет место Пушкину: «Поэма «Руслан и Людмила» является новым доказательством, что и полунощное небо в состоянии расцвечать поэтическими вымыслами, украшенными всем великолепием живого и богатого воображения. Поэтические вымыслы Пушкина позволяют вспомнить об очаровании, изобретательности и пылкости Ариосто. И читая «Людмилу», можно воскликнуть вместе с Вольтером: «Не только климат определяет нашу природу».

Из этих коротеньких оценок мы можем все же сделать вывод, что первому шагу Пушкина на Западе сопутствовали удивление и восхищение.

С этого времени имя Пушкина все чаще начинает появляться на столбцах зарубежной печати. Рецензии на переводы его произведений неизменно сопровождаются похвалами по адресу Пушкина. Примечательно в этом отношении высказывание проф. Эжена де-Герля, выпустившего в 1827 г. антологию русских поэтов на французском языке под названием «Русские вечера»². Во вступительной статье к этой антологии «Взгляд на русскую литературу» мы находим следующие строки: «Если Россия не может еще гордиться ни одним эпическим произведением, то она имеет своего Ариосто в лице Александра Пушкина, автора героико-комической поэмы «Руслан и Люд-

¹ Руководство Греча, вне всякого сомнения, долгое время являлось на Западе единственным источником для ознакомления с русской литературой и было признанным подспорьем для оценки русских литературных фактов. Что фон дер-Борг пользовался Гречем, видно из переписки Н. М. Языкова, который, живя в Дерпте, был близок с фон дер-Боргом. В письме от 27 декабря 1829 г. к брату Языков писал: «История литературы Греча опоздала: Борг уже выписал из этой книги все для него нужное. Я нашел ее у Переводщикова». (См. «Письма Н. М. Языкова к родным». СПб, 1913. Стр. 35-36).

² Les Veillées russes. Par Hequin de Guerle. Paris, 1827.

мила». Эта поэма отличается блестящим вымыслом, брызжет весельем и изобретательностью, ее поэтическое богатство не уступает поэзии «Орландо Фуриозо». Перу г. Пушкина принадлежат и другие поэмы, как например, «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан». Недавно он издал первую песнь поэмы, озаглавленной «Онегин», которая возбуждает в читателях неодолимое желание видеть скорее окончание этого произведения. А когда подумаешь, что сочинителю стольких прекрасных творений всего лишь 27 лет, сколько надежд должно родиться! Сколько обещает нам эта юная муза, множество произведений которой обращают на себя внимание творческой силой, правильностью слога и зрелостью вкусов, — качества, которые даже наиболее выдающимися поэтами приобретаются обыкновенно лишь в гораздо более зрелом возрасте» (стр. 32—33).

И здесь, как видим, сопоставление Пушкина с Ариосто, — но именно сопоставление, а не укор в подражательности, — и здесь признание большого таланта и снова удивление и восхищение¹.

Не буду цитировать другие высказывания французской, немецкой, чешской и сербской печати этого времени. Порою сдержанные, порою столь же восхищенные, они ничего не прибавят нам по существу. В них не давалась, да и не могла еще быть дана развернутая оценка значения Пушкина.

Замечу лишь, что Пушкин, подобно Байрону, был еще при жизни признан на Западе гениальным поэтом.

В немецкой энциклопедии 1830 г., поместившей биографию Пушкина, сказано о нем следующее: «Гениальный русский поэт, слава которого широко распространена...»

II

Когда Пушкин умер, российский министр народного просвещения Уваров распорядился, чтобы печать «поддерживала надлежащую умеренность и тон приличия в статьях по поводу кончины Пушкина». Недаром князь Одоевский жаловался в письме к А. О. Смирновой: «С Пушкиным точно то, что с Пугачевым, которого память велено было предать забвению». Обойти запрет писать о Пушкине в сочувственном тоне удалось в России, кажется, только двум газетам, а

¹ Статья Герля особенно интересна потому, что в ней мы находим первое печатное высказывание иностранца о «Евгении Онегине». Первая глава «Онегина» вышла в феврале 1825 г., вторая — в октябре 1826 г. Следовательно, антология де-Герля была сдана в печать до октября 1826 г., но появилась лишь в 1827 г.

именно: Одесскому вестнику» и французской газете в Одессе. „Journal d'Odessa“

Но запрет русского министра, к его великому сожалению, не распространялся на заграничную печать. И заграничная печать не обошла молчанием гибель великого русского поэта. 14 марта 1837 г. Н. А. Мельгунов, живший тогда во Франкфурте, писал С. П. Шевыреву: «Ты обещаешь мне подробное известие о смерти Пушкина. Это происшествие произвело здесь сильное впечатление и в течение двух-трех недель все газеты немецкие и французские были им полны, так что иное я, может быть, знаю обстоятельнее, чем вы»¹.

В это сообщение Мельгунова следует внести только одну поправку: не 2—3 недели, а 3—4 месяца не сходило с газетных и журнальных листов имя Пушкина. В самом деле, Пушкин умер 10 февраля (по новому стилю), в конце февраля встречаем мы первые некрологи в заграничной печати, но еще в мае и июне продолжают появляться статьи о Пушкине. Знаменитая статья Мицкевича появилась в «Le Globe» 25 мая 1837 г.

И так было не только во Франции и Германии, но и в Англии, и в Чехии, и в других странах. Только в Голландии, по вполне понятным причинам, постарались не заметить смерти великого поэта².

К сожалению, иностранные газеты 1837 г. обследованы еще очень не полно, материал далеко не собран и почти не подвергался анализу. Имеется только одна брошюра М. Веневитинова, в которой сделана попытка проанализировать немецкие материалы («Некрологи Пушкина в немецких газетах 1837 года». СПб, 1900). Еще П. Е. Щеголев в книге «Дуэль и смерть Пушкина» перепечатал с небольшим комментарием 4 статьи из французской газеты „Journal des Debats“ и одну статью из английской „The Morning Chronicle“.

Стоит остановиться на брошюре М. Веневитинова. Он задался целью «определить то положение, которое могла доставить Пушкину в литературе западной Европы его слава как русского поэта», и

¹ См. статью А. И. Кирпичникова «Между славянофилами и западниками» в его «Очерках по истории новой русской литературы», т. II, стр. 171, 1903.

² В голландских газетах 1837 г. были напечатаны (с 27 февраля по 20 марта) три коротеньких и одна более распространенная корреспонденция. Только в этой последней раскрыта причина дуэли, но имя Дантеса не названо. Имя убийцы Пушкина упомянуто лишь в гаагской газете, выходившей на французском языке. Зато чрезвычайно интересны для нас характеристики, данные голландскими газетами Пушкину: «Поэт Александр Пушкин, произведения которого знамениты за границей...» «Знаменитый господин Пушкин, самый выдающийся поэт, России...» «Поэт Пушкин, который приобрел и за пределами своего отечества почетную известность...» (См. Н. В. Чарыков. «Известия о дуэли Пушкина, имеющиеся в Голландии» — «Пушкин и его современники». Вып. XI, 1909. Стр. 64—78).

пришел к выводу, что «смерть великого русского писателя не произвела в Германии особенно сильного впечатления». «Немецкая литература, — пишет Веневитинов, — не имела полного понятия о всем значении Пушкина не только в объеме его европейской славы, но даже в отношении его заслуг перед Россией. Пушкин обратил в 1837 году внимание немецких газет не столько своими произведениями, сколько подробностями своей дуэли...».

Все эти утверждения М. Веневитинова от начала до конца не верны. О впечатлении, произведенном в Германии смертью Пушкина, мы имеем свидетельство Н. А. Мельгунова, которое я цитировал выше и которое, между прочим, приводил и Веневитинов. А как понимало значение Пушкина «в объеме его европейской славы» немецкое общество 30-х годов прошлого столетия, видно хотя бы из донесения саксонского посланника в России барона Лютцереде своему правительству: «Ужасное событие, совершившееся три дня тому назад, глубоко потрясло всех истинно образованных жителей Петербурга. Государственный историограф Александр Пушкин, который достоин быть назван со смерти Гете и Байрона первым поэтом современной эпохи, пал жертвою ревности, злонамеренно доведенной до безумия». В конце своего донесения Лютцереде называет Пушкина «одним из выдающихся умов Европы»¹.

Что же касается значения Пушкина для России, то одна из немецких газет 1837 г., анализируя «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова», определяет это значение так: «Пушкин этими произведениями создал тот русский язык, которым пишут и говорят теперь, и оказал своему отечеству ту же услугу, какую французы признают за своим Малербом» («Deutsche Allgemeine Zeitung», 12 марта 1837 г.). Эта формулировка немецкой газеты была, правда, заимствована из французской статьи Лева-Веймара, опубликованной в «Journal des Debats» от 3 марта 1837 г. Но, очевидно, немецкая газета была с этой формулировкой согласна. Во всяком случае она преподнесла ее своим читателям и, следовательно, правильно информировала их о значении Пушкина для России.

Нельзя не согласиться с утверждением Веневитинова, что Пушкин обратил на себя внимание не столько своими произведениями, сколько подробностями своей дуэли. Если бы это было так, то интерес к Пушкину должен был бы скоро заглохнуть. Этого, однако, не случилось. Веневитинов основывает свои утверждения на том факте, что

¹ См. Щеголев. «Дуэль и смерть Пушкина», 2-е изд. Стр. 373—375.

во всех немецких статьях, появившихся в связи со смертью Пушкина, биография поэта была перевернута и искажена: Пушкина называли то графом Мусиным-Пушкиным, то просто графом Пушкиным, путали его имя и т. д. Это верно. Пушкина возводили в графское достоинство не только в Германии, но и в других странах. И не только в 1837 г., но и значительно позже: так, в Англии в 1859 г. перевод «Капитанской дочки» появился с титулом «Граф Александр Л. (!) М. (!) Пушкин. То ли еще бывало с русскими именами!

Но Веневитинов не обратил внимания на другое обстоятельство: при всей путанице в бытовых чертах биографии Пушкина (далеко, однако, не во всех статьях) мы ни в одной статье 1837 г. не найдем ошибки или неточности в литературной биографии Пушкина. С этой стороны, Пушкина на Западе знали. Не все еще из произведений Пушкина дошло туда, но что дошло, запомнилось прочно.

Смерть Пушкина была встречена на Западе как огромная потеря для всего мира. Горечью полны зарубежные голоса. Особенно заметно это в тоне чешской печати. Чешский поэт Людевит Штур опубликовал свой «Плач над Пушкиным» — первое иноязычное стихотворение, посвященное Пушкину:

Мало на Ваг долетело к нам с Севера Пушкина песен,
Но заронились те песни глубоко в славянские души.
Умер поэт, но жив его дух; и жить будет вечно
Сладостный звук его лютни на вольных просторах.

Замечательно, что не только Запад, но и Восток сейчас же откликнулся поэтическим откликом на смерть поэта

Разве ты, не ведающий мира, — разве не слышал
о Пушкине, главе собора поэтов?

О том Пушкине, от которого бумага жаждала потерять белизну
свою,
чтобы только перо его проводило черты по лицу ее.

Так не спас тебя от оков колдовства этой старой
чаровницы (смерти) талисман твой.

Фонтан из Бахчисарая посылает праху твоему

с весенним зephyром благоухание двух роз твоих.

Старец седовласый, Кавказ, отвечает на песни твои
стоном в стихах Сабухия.

Это отрывки из поэмы на смерть Пушкина тюркского поэта Сабухия (Мирза Фет-Али Ахундов). В русском прозаическом переводе

самого автора она появилась в «Московском наблюдателе» в 1837 г. (стр. 394—404).

Однако глубже и горше всех чувствовал утрату Пушкина великий польский поэт Мицкевич, живший тогда в Париже и написавший взволнованный некролог в «Le Globe»¹. «Никто не заменит Пушкина,— писал он.—...Только однажды дается стране воспроизвести человека, который в такой высокой степени соединяет в себе столь различные качества»².

У Мицкевича перед другими иностранными критиками было то преимущество, что он хорошо знал Пушкина лично, читал его произведения в подлиннике и сам был большим поэтом. Поэтому-то он так верно оценил Пушкина, как поэта истинно-народного, потому так правильно охарактеризовал «Евгения Онегина» — «лучшим и своеобразнейшим и наиболее национальным из творений Пушкина». Только «Бориса Годунова» Мицкевич не оценил до конца. «Пушкин был слишком молод для воссоздания исторических личностей,— писал он. — Он сделал опыт драмы, но опыт, который доказывает, чего бы он мог достигнуть со временем: «Et tu Shakespeare eris si fata sinant».

Очевидно, Мицкевич считал, что Пушкин не совсем справился с характерами своей драмы. Как увидим, с этим несколько позднее не согласилась немецкая критика.

Однако, не приняв «Бориса Годунова» в целом, Мицкевич правильно оценил его самобытность: «Борис Годунов» содержит в себе подробности и даже сцены изумительной красоты. Особенно пролог кажется мне столь самобытным и величественным, что, не обинуясь, признаю его единственным в своем роде».

Нельзя не отметить и той общей оценки, которую дал Мицкевич Пушкину в своей статье: «Если бы не существовало творений английского поэта (Байрона — В. Н.), Пушкин был бы провозглашен первым поэтом своей эпохи».

Таким образом, польский поэт раньше всех поставил во весь рост проблему о мировом значении Пушкина.

III

Русская критика 20-х и 30-х годов не только не могла поставить вопрос о мировом значении Пушкина, но даже не могла бесповорот-

¹ Из других значительных статей во французской печати нужно выделить статью Лева-Веймара, упоминавшуюся выше, и статью за подписью G. Lam в газете «Temps».

² Цитирую по переводу кн. Вяземского. «Русский архив». 1873, кн. 6. Стр. 1057—1088.

но решить вопрос о самобытности своего величайшего поэта. Ярлык байрониста, привешенный к Пушкину, преследовал его при жизни, продолжал преследовать и после смерти. Отдельные робкие попытки сорвать этот ярлык, например, в статье Ивана Киреевского («Нечто о характере поэзии Пушкина», 1828), почти не имели резонанса. Да и позднее, уже после статьи Белинского и высказываний Герцена и Огарева, отрицательно решивших вопрос о байронизме Пушкина, русская критика продолжала иметь суждение в этом вопросе по методу «с одной стороны, нельзя не признаться, с другой стороны, нельзя не сознаться». Когда же этим вопросом занялись историки литературы, он получил совершенно своеобразное разрешение: если исследователь снимал с Пушкина ярлык байрониста, он немедленно навешивал ему какой-нибудь другой ярлык. Так, Сиповский почти целиком отрицая влияние Байрона на Пушкина, чуть ли не сделал его «шатобрианистом»¹.

Но если так обстояло дело в России, что же мы должны были встретить на Западе, тем более в первой трети XIX в., когда отношение к русской литературе было еще в достаточной мере скептическим. Оказывается, что как раз на Западе, и уже в конце 30-х годов, мы находим первое и решительное утверждение самобытности и оригинальности нашего поэта. В 1838 г. появилась большая статья о Пушкине известного немецкого критика Фарнгагена фон Энзе („Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik“, октябрь, 1838)².

Статья эта была не поверхностной компиляцией чужих мнений и взглядов, она явилась плодом собственных серьезных раздумий над Пушкиным. Для того, чтобы лучше понимать русского поэта, Фарнгаген изучил русский язык и читал Пушкина в подлиннике. Он был знаком с творчеством поэта в полном объеме, вместе с тем он являлся одним из лучших знатоков всех европейских литератур. Вот почему его мнение о Пушкине приобретало особый интерес и особую внушительность³.

¹ В. В. Сиповский. «Пушкин, Байрон и Шатобриан». СПб, 1899 г.

² До появления статьи Фарнгагена в Германии вышли в 1837 г. две книги, специально посвященные русской литературе и, конечно, уделившие место Пушкину. Я не останавливаюсь на них только потому, что обе они были в сущности переложением русских источников. Так, книгу Кенига «Literarische Bilder aus Russland» составил упоминавшийся выше Н. А. Мельгунов, а книга Отто «Lehrbuch der russischen Literatur» была не чем иным, как переводом все того же «Опыта» Греча с небольшими добавлениями из русских же журнальных статей. Стоит отметить, что к книге Кенига был приложен портрет Пушкина — первый появившийся за границей портрет (гравюра Уткина).

³ Один из берлинских корреспондентов В. Ф. Одоевского — Я. М. Неверов писал ему в ноябре 1838 г.: «Обратили ли Вы внимание на статью Фарнгагена о Пушкине?.. Она возбудила здесь живой интерес как содержанием своим, так в особенности именем Фарнгагена, и русская литература наряду с современными

Интересно, что немецкий критик считал прежде всего необходимым защитить русского поэта от русской критики. «Русские сами, — пишет Фарнгаген фон Энзе, — по скромности или из осторожности называют нередко Пушкина подражателем. Такое определение кажется мне очень несправедливым. Правда, мы находим иногда у Пушкина что-то напоминающее Байрона. Его поэзия часто кажется подражанием, но на самом деле это не так. Она всегда рождается из собственного духа, даже в тех случаях, когда отдельные ее элементы не являются собственным изобретением. Как океан, куда вливаются воды всех стран, так и запас образов, накопившийся в продолжение веков, есть общее достояние, пользоваться которым могут все, присваивая себе то, что пригодно или нравится¹. Вся сокровищница литературных образов переходит в общую поэтическую атмосферу и растворяется в ней, мы дышим ею, как свободным воздухом; она становится материалом и составной частью новых поэтических созданий, но можно ли их называть подражаниями из-за того, что мы ощущаем в них воздух? Только дух, один только дух позволяет решить здесь, кто является свободным повелителем и кто — рабским подражателем... Что Пушкин поэт оригинальный, поэт самобытный — явствует непосредственно из впечатления, производимого его поэзией. Он мог заимствовать ту или иную форму, он мог становиться на пути, до него еще проложенные; но жизнь, вызванная им, — ж и з н ь с о в е р ш е н н о н о в а я».

«И если; — продолжает Фарнгаген, — читая Пушкина, мы вспоминаем порой Байрона, Шиллера или их предшественников — Шекспира и Ариосто, то что из этого следует? Только то — с кем мы можем сравнить Пушкина, а вовсе не то, от кого мы должны его производить».

Из всего этого следует, что Фарнгаген фон Энзе поставил Пушкина в ряд величайших мировых поэтов. А дальше он точно и четко сформулировал, в чем собственно состоит мировое значение Пуш-

политическими вопросами составляла на несколько недель предмет общего разговора» («Русск. старина», 1904, т. 119. Стр. 157).

Статья Фарнгагена вышла позднее в собрании его сочинений, т. е. в 1843 г. На русском языке она была напечатана в «Сыне отечества», 1839, т. VII, № 1 и в «Отечественных записках», 1839, т. IV. Приложение. Она должна была появиться также в «Московском наблюдателе», 1839, но была запрещена цензурой. Зелинский перепечатал ее в своем своде критической литературы о Пушкине, т. IV, изд. 2-е, 1902. Стр. 105—126.

¹ Эта точка зрения Фарнгагена перекликается с некоторыми высказываниями Гете, который, как известно, упрекал Байрона за то, что он недостаточно резко отвечал на обвинения его в плагиате. По мнению Гете, Байрон должен бы заявить: «То, что здесь, — мое, и не все ли равно, взял я это из жизни или из книги». В другом месте Гете говорит: «Величайший из гениев недалеко бы ушел, если бы вздумал всего ожидать только от самого себя».

кина. Он указал, что поэзия Пушкина прежде всего глубоко национальна и народна, ибо служит верным и всесторонним отражением полноты русской жизни. Вместе с тем его поэзия отражает господствующие умонастроения эпохи, выразителями которых являлись и Байрон и Шиллер: «В ней тот же разлад мечты с действительностью, та же тоска, та же печаль по утраченном и грусть по недостижимом счастье». Но есть в ней одно свойство, которое подымает его над его великими современниками: «Он живым образом слил все исчисленные качества с их решительной противоположностью, именно со свежою духовною гармонией, которая, как яркое сияние солнца, призывает его поэзию и всегда, при самых мрачных ощущениях, при самом страшном отчаянии, подает утешение и надежду».

В этом отношении Фарнгаген фон Энзе находит возможным сравнить Пушкина только с Гете.

Два полюса человеческого духа, нашедшие свое полное выражение в таких гигантах, как Гете и Байрон, органически сливаются, синтезируются в Пушкине. Вот в чем, по Фарнгагену фон Энзе, мировое значение великого русского поэта.

Подвергнув анализу произведения Пушкина (кроме прозы), немецкий критик особенно выделил «Евгения Онегина», «Бориса Годунова» и лирику. «Евгения Онегина» он назвал вещью, ни с чем не сравнимую, читая которую вы должны сказать, что здесь перед вами Пушкин и только Пушкин. Кто захотел бы привести для сравнения «Чайльд-Гарольда» Байрона, тот был бы обманут внешним сходством, как и тот, например, кто попытался бы сравнивать «Германа и Доротею» Гете с «Луизой» Фосса.

Исключительно высокую оценку дал Фарнгаген фон Энзе «Борису Годунову».

Как известно, «Борис Годунов» был любимым детищем Пушкина. Поэт явно гордился своим созданием. Получив позволение царя напечатать драму, Пушкин писал Плетневу: «Думаю написать предисловие. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мне, Александру Пушкину, являясь перед Россией с «Борисом Годуновым», заговорить о Фаддее Булгарине?». Пушкин хорошо понимал значение созданной им вещи. Но современная Пушкину критика этого значения не поняла. Фельетон Надеждина («Телескоп», 1831, № 4) четко отражает, как поняла и приняла русская критика драму Пушкина: «Ни комедия, ни трагедия, ни чорт знает что... В этой связке разговоров нет никакой цели...»

Понятно, почему Пушкин так ждал переводов своей драмы и «суда немцев» над нею. Каков же был суд Фарнгагена фон Энзе?

«В Борисе Годунове», — писал он, — единство действия везде строго сохранено и органически связует части в одно целое. План, ход и развитие истинно драматические: впечатление, производимое целым, также имеет совершенно драматический характер... Распределение сцен и диалогов можно назвать в высшей степени мастерским. Обрисовка характеров столь же зрела, сколь разнообразна... Это разнообразие и вместе с тем законченность и типичность каждого отдельного образа показывают, что Пушкин истинный драматург. Особенно удивительна при этом та скупость средств, которыми Пушкин достигает своей цели. Здесь он непревзойденный мастер: все у него сжато и ярко, целеустремленно и быстро, ничего лишнего, ничего растянутого».

Таково суждение о формальной стороне драмы. Что же касается существа ее, то, по мнению Фарнгагена фон Энзе, уже сама постановка трагической проблемы в «Борисе Годунове» доказывает всю глубину гения Пушкина.

Но самые восторженные слова нашел критик, говоря о лирике Пушкина. «Здесь, — говорит он, — Пушкин является полным властелином в необозримом могуществе; здесь сверкают самые яркие вспышки того пламени, который горел в тайниках его души. С первого взгляда ясно, что все воплощаемые им ощущения пережиты им, что они или выражение переверотов судьбы, или страдание и пруть мужественного сердца, или бодрость и надежда сильной души. В веянии этих ощущений дышит сам поэт, дышат его соотечественники, его современники; он отыскивает в их груди самые сокровенные струны, настраивает эти струны и ударяет по ним. Волнения, которые темно и болезненно движутся и борются внутри, освобождаются очарованием его выражения и вырываются на свет, радостные и сияющие. Как глубоко, как могущественно вскрыл Пушкин в своих песнях сердце своего народа, видно из того, что эти песни проникли во все уголки России, что они перелетают там из уст в уста и везде возбуждают восторг и вдохновение. Мало того, что они вполне удовлетворяют лирическому чувству народа, они еще возвышают его требования и умножают его богатство поэтическим сокровищем...»

И заключая свою статью, Фарнгаген фон Энзе восклицает: «Одной песни Пушкина достаточно, чтобы русская поэзия смело поставила себя в ряд со всякой другой поэзией, достигшей высочайшей ступени развития».

Это было, между прочим, первое признание, что русская литература вошла полноправным членом во всемирную литературу. И этим она была обязана Пушкину.

IV

Статья Фарнгагена фон Энзе не прошла бесследно. Она вызвала ряд отголосков. Я склонен думать, что она способствовала увеличению числа переводов из Пушкина и, тем самым, расширила и укрепила знакомство европейского читателя с его произведениями. Не следует думать, однако, что вся западноевропейская критика решала вопрос о значении Пушкина в полном единомыслии с Фарнгагеном фон Энзе. Общее презрительное отношение к русской культуре вообще и к литературе в частности, продолжавшее жить в некоторых кругах, по инерции переносилось и на Пушкина. Характерный образец этой инерции мы находим в высказывании некоего маркиза де Кюстина, побывавшего в 1839 г. в России¹ и оставившего записки об этом путешествии, изданные в 1843 г. В 3-м томе этих записок Кюстин рассказывает о дуэли Пушкина и так раскрывает свое отношение к нему: «Превозносят его стиль, но добиться такого признания легко человеку, родившемуся в некультурной стране в эпоху всеобщей утонченной цивилизации. Ему достаточно только собирать чувства и мысли, произрастающие у соседних наций, и он уже будет казаться оригинальным у себя дома. Он хозяин своего языка, потому что этот язык не имеет устоев; и чтобы составить эпоху у такого невежественного народа, окруженного просвещенными нациями, этому писателю нужно только переводить, не затрудняя себя собственными мыслями. Подражатель, и только подражатель, он будет расцениваться как создатель».

Можно было бы не обратить внимания на разглагольствования путешествующего маркиза, но, повторяю, этот образец характерен для некоторых иностранных кругов того времени в их отношении к России вообще. Подобное высокомерие, переносимое и на Пушкина, мы встречаем и у некоторых критиков. Однако, с полной уверенностью можно сказать, что таких критиков было уже явное меньшинство, и не они задавали тон.

40-е и 50-е годы прошли в общем под знаком высокого внимания к Пушкину и высокой оценки его значения. Во Франции продолжал поднимать его имя на щит Мишкевич. Он много говорил о Пушкине в лекциях, читанных в 1840 г. в „Collège de France“.² Обращает на себя внимание оценка, данная им прозе Пушкина: «Его проза изуми-

¹ Le Russie en 1839 par le marquis de Gustine. Paris, 1843.

² Лекции Мишкевича имели резонанс и в Германии, так как все, что говорилось в них о Пушкине, было перепечатано в 1843 г. в журнале «Jahrbücher für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft».

тельной красоты. Она беспрестанно и неприметно меняет краски и приемы свои. С высоты оды снисходит до эпиграммы, и среди подобного разнообразия встречаешь сцены, достигающие эпического величия».

Это было, кажется, первое на Западе авторитетное слово о пушкинской прозе.

Критика 40-х и 50-х годов все внимательней и глубже начинает вглядываться в творчество Пушкина. Эта углубленность отразилась прежде всего в оценке самого творческого метода поэта. Если критика 20-х и 30-х годов, за исключением одного, пожалуй, Фарнгагена фон Энзе, почти безоговорочно причисляла Пушкина к лику романтиков, то в рассматриваемую эпоху романтизм почти уже не связывается с именем Пушкина; его творчество определяется теперь как реализм. Именно это и позволило ряду критиков не только отрицать зависимость Пушкина от Байрона, но и поставить русского поэта выше английского.

«В своих произведениях, — писал немецкий критик Вольфзон (1843) ¹, — Пушкин оставил России драгоценное наследство, на которое она может смотреть с чувством гордости и удовлетворения, нисколько не завидуя поэтическим сокровищам других народов». Основной аргумент для подобного утверждения Вольфзон находит в том, что «произведения Пушкина отмечены редкою жизненной правдой заключающихся в них образов».

Еще более четко сформулировано это положение в статье французского журнала „Illustration“ (1845) ²: «Редкий поэт обладал таким живым чувством действительности и такой способностью воспроизведения реальной жизни. Эта черта творчества Пушкина позволяет автору статьи выразить убеждение, что Пушкин бесспорно делается достоянием всего читающего мира, и его прекрасные произведения, как «Евгений Онегин» и прозаические повести, особенно «Капитанская дочка», завоевуют симпатии французской публики и внушат ей любовь к этому истинному, самобытному, блестящему таланту».

Французский критик Сен-Жюльен в 1847 г. посвятил русскому поэту обширную статью: «Пушкин и литературное движение в России за последние 40 лет» ³. Эта статья необычайно интересна и сейчас еще поучительна для многих критиков. Сен-Жюльен подчеркнул глубину и многообразие творчества Пушкина. Он указал, что далеко не все постигли эту глубину и многообразие. Те, кто видели в Пуш-

¹ Die schönwissenschaftliche Literatur der Russen, Leipzig, 1843.

² Статья эта не подписана.

³ «Revue des deux Mondes», 1847, t. XX.

кине только национального поэта, проглядели «космополитические элементы его поэзии». Те же, кому бросились в глаза только космополитические элементы, не заметили за ними национальной основы пушкинского творчества. Такая односторонность и позволила этой второй категории критиков говорить о подражательном характере поэзии Пушкина. Опровергая этот взгляд, Сен-Жюльен заявил, что само миропонимание Пушкина резко отличает его от всех тех, кого ему хотят навязать в образцы. И он поставил Пушкина выше всех его западноевропейских современников, ибо их творчество страдает от условностей и доктринерства, а творчество Пушкина проникнуто полнотой жизни и правдой. Как можно говорить о подражании Пушкина Байрону, пишет Сен-Жюльен, когда английский поэт рисовал только образы, созданные его фантазией, а Пушкин претворял в образы реальную жизнь. Этой реалистичностью отличаются и все исторические образы, созданные Пушкиным, что особенно подчеркивает мощь его поэтического гения. Сен-Жюльену ясно мировое значение Пушкина, но не менее ясна ему и та роль, которую сыграл Пушкин в развитии русской литературы. «Русская литература, — пишет он, — обязана Пушкину возвращением на путь народности и самобытности, утраченной в период подражания западным образцам. Пушкин создал школу, из которой вышла вся позднейшая русская литература, литература реализма».

К точке зрения Сен-Жюльена отчасти примыкает Фридрих Боденштедт, поместивший в 3-м томе своих переводов из Пушкина (1855 г.) обширную биографическую и критическую статью о нем. Боденштедт, признавая некоторое влияние Байрона на Пушкина раннего периода, считал это влияние скорее губительным¹ (verderblich), чем плодотворным. По существу же он противопоставлял Пушкина Байрону, утверждая, что английский поэт превосходит Пушкина силой фантазии, но уступает ему в естественности и правдивости изображения. «Впрочем, — резюмирует Боденштедт, — что бы ни говорили о поэтических произведениях Пушкина, с какой бы стороны их не обсуждали, в одном должны согласиться все: каждое его произведение выполняет благороднейшую задачу поэзии — отобразить в художественной форме кусок человеческой жизни». Это была прекрасная формула реалистического искусства, и она целиком распространялась на Пушкина.

¹ Интересно, что это мнение Боденштедта целиком совпадает с мнением Мицкевича. В некрологе 1837 г. Мицкевич, отметив благородное влияние поэзии Жуковского на юного Пушкина, с сожалением замечал: «но Байрон слишком рано похитил его из этой хорошей школы и увлек в фантастические пустыни и пещеры романтизма».

В предисловии к 1-му тому своих переводов Боденштедт сравнивает роль Пушкина в России с ролью Гете в Германии и подчеркивает, что поэзия Пушкина в высшей степени народна, но вместе с тем близка и понятна каждому иностранцу. Особенно высоко ставит он «Евгения Онегина», которого он сравнивает по значению с «Фаустом» Гете и которого ставит «в ряд величайших поэтических творений всех времен и всех народов» (предисловие, стр. XI—XIV).

В связи с Боденштедтом я остановлюсь на статье лондонской газеты «Atheneum» (март, 1855). Это была одна из многочисленных статей, вызванных появлением в Германии трех томиков Пушкина в переводе Боденштедта. Отдав дань удивления своеобразию «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова», автор английской статьи замечает: «Нет ничего нелепее пустой фразы, которою бросаются иные сверхумные критики, заявляя, что творчество Пушкина есть лишь подражание байроновскому. Конечно, британская муза оказала известное вдохновляющее влияние на русского поэта, но самобытность его лучших произведений должна быть ясна каждому».

Так, даже Англия срывала нелепый ярлык байронизма, привешенный Пушкину «сверхумными критиками».

Заметной работой о Пушкине является статья В. Ч. Бендля, опубликованная в „Caropis Ceskeho Musea“ в 1854 г. О Пушкине в Чехии много писали и раньше, но это была первая статья, претендующая на известную самостоятельность. Сам Бендль много переводил из Пушкина. Его переводы, значительно уступая по качеству немецким переводам Боденштедта, сыграли, однако, в деле ознакомления чехов с Пушкиным такую же роль, как и боденштедтовские в Германии. Бендль необычайно высоко ценил формальное мастерство Пушкина. И этому вопросу он уделяет много места в своей статье. Не обинуясь, он утверждает, что совершенством формы Пушкин превосходит Байрона. А совершенство пушкинской формы Бендль увидел в необычайной ее простоте и в скупости изобразительных приемов, создающих не менее огромное впечатление.

В сущности Бендль не первый поднял вопрос об этой стороне пушкинского творчества. Как мы видели, Фарнгаген фон Энзе тоже удивлялся скупости средств, которыми Пушкин добивался своей цели; касались этого вопроса и другие. Но исключительное внимание ему и вообще вопросам пушкинского стиля посвятил Проспер Мериме, который, подобно Фарнгагену фон Энзе, изучал русский язык, чтобы читать Пушкина в подлиннике. Статья Проспера Мериме о Пушкине

появилась в 1868 году¹. Статья эта не очень велика по объему, но она результат более чем двадцатипятилетней работы над Пушкиным.

По собственному признанию Мериме (в письмах к Лагрэнэ), Пушкина открыл ему С. А. Соболевский, который познакомился с Мериме в свой первый приезд в Париж в 1829 г. Но можно думать, что и до знакомства с Соболевским Мериме уже слышал о Пушкине в салоне Ансло. В этом салоне разговоры о Пушкине, несомненно, были, ибо супруги Ансло в 1826 г. побывали в России, и Жак Ансло в своей книге об этом путешествии (Париж, 1827) опубликовал перевод пушкинского «Кинжала»².

Однако роль Соболевского как первого руководителя Мериме в изучении Пушкина не подлежит сомнению. Это убедительно вскрывает работа А. К. Виноградова «Мериме в письмах Соболевскому».

Мериме начал свое знакомство с творчеством Пушкина несомненно по переводам, и чтение этих плохих переводов, за которыми можно было только угадывать величие русского поэта, может быть больше, чем что другое, побудило Мериме изучить русский язык. Судя по русским письмам Мериме, можно думать, что только в начале 40-х годов он начал с треском пополам разбирать Пушкина в подлиннике, но к этому времени «Цыганы» уже прочно сидели у него в голове. «Цыганы» были его «первой любовью к Пушкину», и он на всю жизнь остался верен этой любви. «В конечном счете верхом гениальности и мастерства мне кажутся «Цыганы», — писал он Соболевскому 31 августа 1849 г.

Великая любовь к Пушкину заставила Мериме приняться за переводы из него. Он начал, по совету Соболевского, с «Пиковой дамы», которую и сам считал шедевром мировой прозы. Благодаря его переводу (1849 г.) «Пиковая дама» прочно вошла в сознание французского читателя. Об этом говорит хотя бы признание Марселя Прево, сделанное 50 лет спустя, в юбилейные дни 1899 года: «On jouait chez Naroumoff lieutenant aux gardes à cheval...» Эти слова, которыми начинается «Пиковая дама» в переводе Мериме, всплывают в моей памяти каждый раз, когда при мне произносят имя Пушкина...»³.

¹ «Alexandre Pouchkine». *Moniteur Universel*, 1868, январь. Позднее эта статья перепечатывалась во всех изданиях его «Portraits historiques et littéraires».

² Не нужно забывать при этом, что в 1826 г. в Париже вышел «Бахчисарайский фонтан» в переводе Шопена, вызвавший панегирическую статью Megeu в «Revue encyclopédique». Таким образом, материала для разговоров о Пушкине было достаточно.

³ E. Sémenoff. *Alexandre Pouchkine*. Paris, 1899, pp. 36. В этой работе собраны высказывания французских писателей о Пушкине в связи с юбилейными днями 1899 г.

После «Пиковой дамы» Мериме приступил к переводу «Цыган». Перевести их для Мериме было труднее. Он был убежден, что переводить стихи «пошлой прозой» (по его выражению) невозможно, но другого пути для него не было, и желая во что бы то ни стало дать французскому читателю хотя бы неполное представление о красоте очаровавшей его поэмы, он все же решил перевести ее, тем более, что традиция переводить стихи прозой была вообще усвоена во Франции¹. И вот это практическое столкновение пушкинского стиха с французскою художественною прозой привело Мериме к выводам, которые он позднее изложил в упомянутой статье: «Невозможно, — говорит Мериме, — передать на французский язык, даже приблизительно, сжатость содержания стихов Пушкина. Его образы всегда жизненные и правдивые, никогда не страдают распространенностью, скорее они скупы. Экспозиция поэмы — описание местоположения, изображение быта цыган — занимает всего 17 стихов, а между тем чего же недостает картине?!»².

Эта сжатость содержания, тщательность отбора деталей дает Мериме повод для сравнения Пушкина с Байроном, причем сравнение это оказывается не в пользу английского поэта: «Байрон никогда не удаивал сортировки идей, толпившихся в его воображении... Он комментирует сам себя и, так сказать, делает нас свидетелями своей писательской работы вместо того, чтобы представить нам результаты ее. Напротив: Пушкин одинаково сжат как в форме, так и в содержании, и каждый стих его есть плод глубокого обдумывания. Подобно гомеровскому стрелку, он долго выбирает в колчане прямую и острую стрелу, но эта стрела всегда попадает в цель».

Мериме поставил Пушкина в ряд величайших художников всех времен и народов. По его мироощущению он назвал его последним эллином Европы, но он не нашел с кем сравнить его по силе воздействия его поэзии на человеческие сердца.

Из рукописей Мериме видно, сколько труда положил он на этот перевод. См. интересную статью М. Parturier. *Etudes Meriméennes. Un manuscrit des «Bohémiens»* (Bulletin du bibliophile, 20 мая 1933 г. Стр. 198—205).

² Любопытно отметить, что это говорит представитель классической французской прозы, отличительной чертой которой как раз и является искусство быть кратким (*l'art d'être bref*). Вместе с тем интересно, что взгляд французского прозаика целиком совпадает со взглядом Гоголя на эту сторону пушкинского творчества: «Если должно сказать о тех достоинствах, которые составляют принадлежность Пушкина, отличающую его других поэтов, то они заключаются в чрезвычайной быстроте описания и в необыкновенном искусстве немногими чертами означать весь предмет... Вряд ли о ком из поэтов можно сказать, чтобы у него в коротенькой пьесе вмещалось столько величия, простоты и силы, сколько у Пушкина». («Арабески». — Несколько слов о Пушкине).

IV

Во все последующие годы и вплоть до наших дней Пушкин продолжает привлекать внимание зарубежной критики. Нет возможности охватить здесь даже в самых кратких чертах всю литературу о Пушкине¹.

Приведу лишь несколько примеров, иллюстрирующих восприятие Пушкина последующими поколениями западноевропейской критики.

В связи с открытием памятника Пушкину в Москве в венгерской газете „Pester Lloyd“ (1 июня 1880 г.) появилась обширная статья, посвященная Пушкину. Пушкина в Венгрии начали переводить только в 60-х годах, и к 1880-му г. из крупных его вещей были переведены лишь «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Метель», «Барышня-крестьянка». Знакомство с Пушкиным шло в Венгрии главным образом по немецким переводам. Автор упомянутой статьи с сожалением отмечает, что Пушкин так мало известен в Венгрии. Он упрекает в этом отношении и другие страны, где значение Пушкина признано и оценено только в узких литературных сферах. «А. Пушкин, — говорит он, — по своему значению должен стать достоянием всех образованных народов». Подробно рассмотрев все произведения русского поэта, автор приходит к заключению, что творчество Пушкина исключительно самобытно и оригинально. «В самой национальной самобытности Пушкина, — пишет он, — таится для нерусских его великое значение, не говоря уже о том общеевропейском интересе, который представляет его творчество». Общеевропейское значение, заложенное в творчестве Пушкина, позволяет автору статьи возвести русского поэта на недостижимую высоту: «Ни одна литература, — утверждает он, — не может похвалиться личностью, подобной Пушкину, даже в многосторонней германской литературе нет поэта, который мог бы сравниться с ним».

В том же 1880-м г. появилась книга немецкого критика и публициста И. Гонеггера, посвященная специально русской литературе и русской культуре². Книга Гонеггера очень тенденциозна, ибо автор ее не отличался особыми симпатиями к России. Гонеггер упрекал русское общество в духовной пустоте, проистекающей от неорганического перенимания чуждой культуры и забвения собственной. Такое положение делало, по мнению Гонеггера, большинство русских писателей беспочвенными и малосодержательными. И только Пушкина резко

¹ 80-е и 90-е годы особенно обильны литературой о Пушкине, что было связано юбилейными датами 1880, 1887, 1899. Именно в это время имя Пушкина начинает появляться в таких странах, как Бельгия, Венгрия, Испания и др.

² Russische Literatur und Kultur. Ein Beitrag zur Geschichte und Kritik derselben. Von J. J. Honegger. Leipzig, 1880. Пушкину посвящены стр. 176—198.

выделил Гонеггер, ибо Пушкин, по его мнению, умел придать русской жизни действительно национальное содержание и внутренний смысл. Поэтому Пушкин величайший национальный поэт. Но поскольку он, высоко владея поэтической формой, является в то же время зачинателем нового не только для России, но и для всей Европы поэтического течения, — он принадлежит не только русской, но и всемирной литературе. Под новым литературным течением Гонеггер разумеет реализм.

В 80-х и 90-х гг. особенно много работ было посвящено Пушкину в Чехии и Польше. В Польше происходил жаркий спор о байронизме Пушкина, о взаимоотношениях Пушкина и Мицкевича. Зачинщиками этого спора были Спасович, Третьяк и профессор Ягеллонского университета Эдзеховский. В работе последнего «Байрон и его век» (том 2-й, 1897 г.) обращает на себя внимание восторженное отношение автора к лирике Пушкина. «Имя Пушкина, — говорит Эдзеховский, — это синоним света, красоты и высшей прелести. Очарование его лирики насильно проникает в душу, наполняет ее цветами самой чистой красоты, но она неуловима, эта красота, можно только чувствовать ее и молча ею восхищаться». Это очарование пушкинской лирики Эдзеховский объясняет тем, что поэзия Пушкина, отражая в себе боли и радости людские, сумела стать на рубеже между холодным объективизмом Гете и страстным субъективизмом романтиков — Байрона, Мицкевича и др., — объяснение, заставляющее вспомнить взгляд Фарнгагена фон Энзе на значение Пушкина.

Столетие со дня рождения Пушкина, отпразднованное в России, нашло широкий отклик и за границей. Золя назвал пушкинские дни 1899 г. праздником всей цивилизации. Около 3 месяцев имя Пушкина не сходило со столбцов зарубежной печати. В одной только Германии появилось свыше 50 статей, посвященных Пушкину, около 40 статей появилось в Чехии, свыше 30 — во Франции и т. д.

Европейская печать сплела Пушкину огромный венок славословий. Это были не общие места, не юбилейные отписки, не дипломатические любезности «дружественных» держав. Доказывается это хотя бы тем, что официозные, консервативные органы, типа прусской «Крестовой газеты», составляли как раз исключение из общего тона. «Крестовая газета», например, ханжески порицала Пушкина за создание «Евгения Онегина». «Знаменитый «Евгений Онегин», — писала газета, — обличает в авторе низменный уровень понятий, так как он выдвигает героя с душою низкой, глухой к нравственным запросам».

Однако уже тот факт, что «Крестовая газета» называет роман Пушкина знаменитым, показывает, что «Евгений Онегин» получил

в Европе широкую известность. Так оно и было на самом деле, и так было не только с «Евгением Онегиным». Все многочисленные оценки творчества Пушкина, появившиеся в пушкинские дни на Западе, построены не на материале из вторых рук, но показывают, что авторы их хорошо знают творчество Пушкина в полном объеме. Правда, не все произведения Пушкина были оценены ими по достоинству. Так, почти вся западноевропейская критика прошла мимо «Медного всадника», не осознав и не почувствовав величия этой поэмы. Так, проза Пушкина, давно и глубоко оцененная во Франции, ждала еще своей истинной оценки в Германии. Но «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Моцарт и Сальери», «Скупой Рыцарь», «Каменный гость» и «Цыганы» (не говоря уже о лирике) были единогласно (голоса «Крестовых газет» не в счет) признаны шедеврами мировой литературы. Некоторые лирические пьесы Пушкина выдвигались как образцы недостижимого вдохновения. В числе их называли обыкновенно «Пророк», «Поэту», «Чернь», «Воспоминание», «Для берегов отчизны дальней», «Талисман», «Анчар» и т. д. «Нельзя забыть эти два стихотворения, прочтя их хоть раз», — писал, например, Цабель об «Анчаре» и «Талисмане».

Значение Пушкина критика 1899 г. видит в том, что Пушкин создал реалистическую поэзию. Одна из газет («Гамбургский листок», № 18) особенно подчеркивает, что зрелые произведения Пушкина не отмечены ни романтизмом, ни доктринерством; они реалистичны, но реализм их не зависит от злобы дня.

И французская, и английская печать 1899 г. признала мировое значение Пушкина, признала, как выразился один из французских авторов, что Пушкин входит в Пантеон гениев всего цивилизованного мира. Очень любопытна статья в парижском журнале «Revue blanche» (от 15 июня), в которой, помимо общего очерка жизни и творчества Пушкина, был поставлен акцент на большем прогрессивном значении музыки Пушкина по сравнению с музой Байрона. Ибо английский певец в своем протесте и своей духовной изолированности потерял всякую веру в будущее. Пушкин же, который, как и Байрон, видел все пороки цивилизованного общества, никогда этой веры в будущее не терял.

Пражская газета «Politik» в пушкинские дни поместила на своих страницах 10 статей о Пушкине. В передовой (№ 153 от 3 июня), посвященной значению пушкинского творчества вообще и для славянских стран в частности, газета писала так: «Пушкин это солнце, лучи которого согревают весь мир. Эти лучи зажгли и в чешских

сердца свет и счастье, ласковым теплом пробудили к жизни дремлющие ростки на чешской поэтической ниве».

38 лет отделяют нас уже от пушкинских дней 1899 года. Тем больше у нас оснований сказать теперь, что отношение западноевропейской критики к Пушкину в 1899 г. было не юбилейной любезностью. За это время о Пушкине было написано несколько ценных работ, как, например, монография профессора Сорбонны Эмиля Омана¹, вышедшая в Париже в 1911 г. За это время значение Пушкина было оценено и в тех странах, которые раньше едва интересовались им. Так, в Дании переводчик «Евгения Онегина» во вступительной статье к своему переводу (1930) поставил имя Пушкина рядом с именами Шекспира и Гете.

За это время проза Пушкина получила высшее признание и в Германии.

Данью искренней любви к великому русскому поэту явилась большая выставка «Пушкин и его творчество», организованная в 1932 г. в Чехословакии вне всяких юбилейных дат.

И вот, наконец, формула, рисующая отношение к Пушкину западноевропейской критики XX в.: «Новейшее время знает, что Александр Сергеевич Пушкин принадлежит к числу тех бессмертных, первым представителем которых был Гомер, и которые насчитывали в Европе еще лишь имена Данте, Шекспира, Кальдерона и Гете. К этим бессмертным пяти примыкает шестым — Пушкин»².

¹ Emile Hauman. «Pouchkine», Paris. 1911, стр. 233. В этой работе начисто отрицающей байроническое начало в творчестве Пушкина, автор характеризует его как носителя французского духа и французского стиля. Основание для такой характеристики автор находит прежде всего в лаконизме поэзии и прозы Пушкина, в полном отсутствии в них «фразы» («absence de toute cheville»). «Но, — говорит Оман, — каков бы ни был характер его поэзии — русский, французский, или франко-русский — она прежде всего поэзия пушкинская» (стр. 214). Оценивая далее значение Пушкина, Оман формулирует: «Он принадлежит России, но он принадлежит и Франции и всему миру» (стр. 217).

Интересно сопоставить мнение Омана о французском характере стиля Пушкина с мнением Мериме, которое он высказал в письме Соболевскому (31 августа 1849 г.): «Я нахожу, что фраза Пушкина звучит совсем по-французски, я, конечно, имею в виду французский язык XVIII в., так как в настоящее время писать с надлежащей простотой уже не умеют». (А. К. Виноградов. «Мериме в письмах Соболевскому». М. 1928, стр. 100).

² J. v Guentner. „Pouschkin“ (Der Hi pogryi h, Zweites H-ft, München 1923). И. Гюнтер один из крупнейших переводчиков Пушкина на немецкий язык.

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

1837 - 1937

2-3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА ЛЕНИНГРАД
1937